

Зеленая маленькая повозка уезжала все дальше, прямо к горизонту, где всходило солнце.

Му Минь, какое хорошее имя, как и Лин Минь и Му Чжи. Пока есть надежда, в какой бы форме, они могут быть вместе.

Лин Минь все время искал и никогда не сдавался, он твердо верил, что обязательно будет день встречи с Му Чжи, жив он или мертв, они обязательно встретятся снова.

В тот момент, когда Му Цинфэн развернул лошадь, он решил: завтра поедет во дворец.

Точно так же, как Лин Минь, найти ответ, а затем... ждать.

Даже если Шаобая нет, нельзя позволить ему быть одиноким и холодным, без того, кто мог бы быть рядом.

Чжоу Юань ждал у ворот, взял поводья и сообщил, что приехал Фан Цинчи.

С того дня, когда Му Цинфэн как безумный ворвался в переулок Лючжи, прошло уже почти полгода. Внезапно услышав, что пришел Фан Цинчи, он почувствовал, будто прошла целая жизнь.

Му Цинфэн не успел переодеться и сразу вошел в цветочный зал.

Фан Цинчи пил чай. Увидев, что он входит, он поднялся, чтобы поприветствовать, но Му Цинфэн остановил его.

Фан Цинчи снова сел. Му Цинфэн смотрел на него некоторое время, не зная, как начать светскую беседу. Он чувствовал, что между ними, кроме Гу Шаобая, больше нет тем. Однако Гу Шаобай был как родинка, вырезанная с груди, и упоминание его приносило только боль, и ничего кроме боли.

Фан Цинчи чувствовал, что за полгода Му Цинфэн стал похож на бамбук, из которого выпили всю влагу, высохшим и костлявым, изменился до неузнаваемости.

Двое сидели молча, мертвым молчанием долгое время. Му Цинфэн не произнес ни слова, но интуитивно чувствовал, что у Фан Цинчи есть дело, связанное с Гу Шаобаем.

Но Му Цинфэн не спрашивал. Он боялся, что следующая фраза Фан Цинчи будет: «Гу Шаобай уже нет, его похоронили там-то, вам нужно скорбеть» и так далее!

Он еще не был морально готов узнать это. Возможно, никогда не будет готов. Но, пожалуйста, не говорите этого сегодня. Сегодня не говорите!

— Князь...

Фан Цинчи все же открыл рот.

— М-м... — В голове у Му Цинфэна был хаос, немного кружилась голова.

Фан Цинчи не заметил, что его взгляд был очень рассеянным, и продолжал сам по себе:

— Князь, я пришел поблагодарить.

— М-м? Поблагодарить? За что? — Му Цинфэн выдохнул. Похоже, нет. Он не упомянул Шаобая.

Му Цинфэн обнаружил, что не заметил, как одна его рука стала холодной от пота.

— Фан Сяоань — мой отец, — искренне сказал Фан Цинчи. — Хотя отец был вынужден, он все же совершил деяния в помощь злодею. Ван Сыдао понес наказание, и князь тоже помог Цинчи отомстить за истребление рода. Цинчи здесь благодарит князя!

Му Цинфэн не был удивлен.

В ту ночь, когда Гуаньсинь была казнена, Вэньсинь была опечалена смертью младшей сестры, чувствуя вину перед поручением учителя и вину перед хозяином за то, что не сообщил о злом умысле. Вскоре после этого она вежливо отвергла щедрые награды Му Цинфэна и уехала одна, неся гроб.

Перед отъездом она сообщила Му Цинфэну о расследованных личностях Фан Цинчи и Цзи Цзяньчэня.

Му Цинфэн поднял Фан Цинчи, который совершил земной поклон.

— Брат Фан, пожалуйста, встаньте. Это было дело, сделанное невзначай, я не смею принять такой большой поклон.

Пауза, затем он добавил:

— Люнянь, как он, все хорошо?

— Очень хорошо.

Му Цинфэн кивнул, открыл рот, хотел сказать, что Гу Шаобай больше всего беспокоился о Му Люняне. Подумал, но проглотил слова обратно.

— Князь, Шаобай он...

Му Цинфэн резко поднял глаза, холодный и твердый свет, как лезвие ножа, пронесся мимо и разорвал слова Фан Цинчи пополам.

— Нет, не говорите, — холодно произнес Му Цинфэн. — Я знаю...

Фан Цинчи был очень удивлен.

— Вы знаете?

Му Цинфэн кивнул жестко, брови на переносице сдвинулись еще туже. Наконец, холодный свет в глазах угас, сменившись густой, нерасторжимой печалью.

— Вы пришли сказать мне, что он... уже умер?

Пауза, затем он снова заговорил:

— Простите. Говорите...

Фан Цинчи сначала сильно испугался, затем чуть не рассмеялся и заплакал.

— Кто сказал, что он умер? Я хотел сказать вам, что он скоро прозреет!

Му Цинфэн медленно встал со стула, немного сомневаясь, не галлюцинация ли это, пробормотал долгое время.

— Что вы сказали? Что прозреет!?

Фан Цинчи с приемлемой для него скоростью подробно рассказал ему обо всех мелочах Гу Шаобая за это полгода. Му Цинфэн слушал очень серьезно, лицо было бесстрастным, но глаза волновались, и в голове на мгновение было головокружение.

Он не мог поверить, он был в безумной радости, он не мог ждать...

Фан Цинчи ушел уже давно, Чжоу Пин не видел, чтобы его князь вышел, и не слышал, чтобы он звал людей для прислуживания. Не будучи спокойным, он вошел в цветочный зал.

Одна нога в дверях, другая снаружи, Чжоу Пин чуть не упал в обморок. Только что еще цветущий цветочный зал, как после прихода гостя стал невыносимым для глаз.

Опавшие цветы покрыли пол, в каждом горшке остались цветы только по одному на верхушке ветки. Му Цинфэн бросил ножницы для обрезки цветов, прошел мимо него, глаза блестели.

— Это и называется «занять первое место»!

Чжоу Пин был ошеломлен. В растерянности он снова услышал голос Му Цинфэна из-за двери:

— Переоденьтесь, я иду во дворец на аудиенцию к императору!

Чжоу Пин был еще более ошеломлен. За последние полгода частота, с которой ранее усердный Му Цинфэн ходил на утренний двор, была по пальцам пересчитана. Он посмотрел на темный свет неба. Что это за представление?

Лицо императора Цзячжэна было мрачным как вода, кончики пальцев слегка стучали по поверхности стола, взгляд был мрачным и непостижимым.

Му Цинфэн смотрел на него, настойчиво и упрямо. Хотя он уже простоял на коленях полчаса, спина все еще была прямой, не сгибаясь.

— Ты вынуждаешь меня!

Император Цзячжэн холодно произнес.

— Да, — Му Цинфэн спокойно смотрел в ответ. — Я, ваш слуга, с пятнадцати лет ступил на поле битвы. За десять лет ради великих планов вашего величества, ради мира и спокойствия Великой Ся я был предан, не боялся ни жизни ни смерти. Я, ваш слуга, никогда не поднимал никаких просьб перед императором, но сегодня я обязательно должен выпросить эту милость. Он ударился головой о землю с грохотом, снова поднял голову, в глазах дрожали слезы. В упрямстве примешивалось другое чувство, словно прощание и словно оглядка назад. Он глубоко вдохнул, сдержанно проглотил слезы.

— Прошу ваше величество позволить мне, слуге, вернуться в поместье... Если вашему величеству это трудно, то мне остается только сам попросить снять титул и стать простолюдином одного поколения...

Спустя долгое время император Цзячжэн наконец глухо произнес:

— Афэн, знаешь ли ты, что тот Гу Шаобай в тот день не принял противоядие, он давно умер.

Му Цинфэн покачал головой.

— Ваше величество, я получил известие, что у Шаобая была другая удача, его спасли люди, глаза только ослепли, но человек еще жив.

Пауза, затем снова:

— Ваше величество, сейчас четыре моря спокойны, все под небесами возвращается к сердцу, мое пребывание или уход не важно. Если однажды у государства будут беды, стоит вашему величеству позвать, я, слуга, естественно должен стараться служить до смерти, без претензий.

Он на коленях сделал два шага, схватил руку императора Цзячжэна, прямо посмотрел на этого императора, который был всего на два месяца младше его, назвал детским именем:

— Мянчэн, отпусти меня. В эту жизнь я люблю только его. Без него я правда не могу жить... Хорошо?

Последнее предложение почти стало мольбой.

Черные глаза императора Цзячжэна сверкали острым светом, пристально глядя на него.

Знакомый ему Му Цинфэн был решительным и трезвым, с твердым сердцем и волей, даже жестокосердным. Он никогда не видел, чтобы он проявлял такую искренность и беспомощность. В этот момент он был больше похож на человека с семью чувствами и шестью желаниями.

«В алтаре абрикоса звучит редкая музыка, меч и подвески трех тысяч воинов летят». Этот меч, окрашенный любовью, в конечном счете больше не будет острым, пришло время вернуть лезвие в ножны!

Долго он поднял голову и вздохнул, в голосе была только печаль.

Незаметно молодой император пустил слезы.

— Ладно, ладно, — он поднял голову, вытер следы слез с уголков глаз. — Иди!

— Завтра я издам указ, изменю твое поместье на округ Нань, там оно граничит с Наньцзяном, в Наньцзяне много маленьких стран, иногда беспокоят военные бедствия, ты будешь охранять южные ворота для меня!

Услышав это, Му Цинфэн совершил ритуал трех поклонов и девяти ударов головой, затем встал и сдавленно сказал:

— Ваше величество, завтра на утреннем дворе я приму указ и уйду. Горы и воды далеки, боюсь, в будущем возможностей для встречи будет мало, надеюсь, ваше величество будет беречь себя...

Му Цинфэн, поклонившись, вышел из зала, в повороте увидел тень императора, стоящего спиной к свету, одинокую и холодную, словно бесконечное одиночество!

Он покачал головой. Тысячи ли гор и рек, великие дела и далекие планы — все это уйдет. В этот раз я иду, чтобы взяться за руки с одним человеком, посвятить всю жизнь, с ним

беззаботно смотреть на падающие цветы во дворе, сидеть и смотреть, как поднимаются облака, спокойно обниматься во сне и мирно лежать с ним в одной могиле!

Через три дня Му Цинфэн собрал вещи, приказал Чжоу Пину и Лэн Дуну вести «Тринадцать стражей Смертельное Перо» первыми в округ Нань, а сам в одиночестве с Фан Цинчи и Му Люнянем ступил на дорогу в главный штаб «Башни Черных Одежд».

Зимой приходит ветер и снег, пронизывающий кости, весной возвращаются цветы в горах.

Скоро конец, дорогие, идем к счастливому финалу!

<http://bllate.org/book/16730/1539042>